

—

Когда Се Чэнь задал этот вопрос, он не ждал ответа, а лишь хотел предупредить Се Чжюя.

Он не знал Сяо Шаня, и всё, что он о нём слышал, было основано на слухах. А в этих слухах Сяо Шань не был человеком, которому можно было бы доверить свою жизнь, и даже хорошим человеком его нельзя было назвать.

Однако сегодня Сяо Шань сопровождал Се Чжюя в резиденцию Се, и вёл себя как разумный человек. Се Чэнь в душе прикинул, что по крайней мере внешне Сяо Шань всё же довольно высоко ценил Се Чжюя.

По крайней мере, он не опозорит его на людях.

Но каким будет следующий день в столице, Се Чэню не нужно было и думать.

Бесконечные сплетни затмят заслуги Се Чжюя и заставят людей снова обсуждать его личность.

В столице мало кто будет помнить, как долго Се Чжуй защищал границы, спасая народ Северного региона от бедствий грабежей, никто не вспомнит, сколько раз он отбивал врагов, и тем более, сколько раз он был ранен и сколько людей спас.

Человеческие сердца легче всего поддаются манипуляциям. Подстрекаемые недоброжелателями, люди будут только помнить, что Се Чжуй — гер, который провел несколько лет среди мужчин. В военном лагере неизбежны прикосновения, и они скажут, что в таких условиях Се Чжуй никак не мог оставаться невинным.

Некоторые люди ради собственной выгоды совершенно не заботятся о жизни других. Как говорится, людская молва страшна. Что ждет Се Чжюя, когда такие слова дойдут до ушей Сяо Шаня?

Тогда кто-то скажет: «И что с того, что Се Чжуй был отвергнут Сяо Шанем? Это он сам виноват. Если бы Се Чжуй сам не притворился и не пошёл в армию, разве появились бы эти сплетни?»

При мысли о завтрашнем дне, который предстоял Се Чжюю, Се Чэнь почувствовал холод в сердце.

Иногда он действительно ненавидел себя. Если бы в тот год семья Се не оказалась на грани жизни и смерти, если бы он не был отравлен и не ослеп, то на поле боя за семью Се выступил

бы он.

Се Чжюю, будучи гером, не пришлось бы брать на себя ответственность за семью Се, и тем более не пришлось бы терпеть нападки.

Все страдания и сплетни, которые выпали на долю Се Чжюя, произошли из-за него. Это он не смог защитить Се Чжюя.

Се Чэнь не хотел, чтобы Се Чжуй сталкивался с такой ситуацией, но он не мог притворяться, что ничего не знает о происходящем, и произносить пустые слова утешения.

Всё, что он мог сделать, это оказать Се Чжюю самую абсолютную поддержку.

«Никогда не ущемляй себя и не бойся этих слухов. Пока ты их не боишься, они не причинят тебе вреда», — спокойно говорил Се Чэнь, выражая свои самые искренние мысли: «И что с того, что Сяо Шань — принц? Ты всё ещё младший сын нашей семьи Се, в худшем случае мы с тобой будем жить вдвоём».

Се Чжуй посмотрел на Се Чэня. Он не ответил на слова Се Чэня, а спросил: «Брат, если бы с тобой случилось такое, что бы ты сделал?»

Се Чэнь серьёзно подумал и сказал: «Разобрался бы со слухами и проявил бы минимальное уважение».

Зная, что Се Чэнь не видит, Се Чжуй всё же опустил глаза: «Брат, с самого начала Его Высочество так и поступал, он даже не стал проверять эти сплетни, а сразу проявил ко мне элементарное уважение. Я верю, что и впредь он будет поступать так же. Я не боюсь этих слухов, и Его Высочество тем более не обращает на них внимания. Услышав их, он лишь почувствует, что ему загрязнили уши».

Се Чэнь на самом деле очень хотел узнать о жизни Се Чжюя после женитьбы, но, будучи братом Се Чжюя, он действительно не знал, как начать разговор.

Теперь, услышав слова Се Чжюя, он не мог не спросить: «Правда? Сяо Шань действительно не злился из-за этих слухов?»

Се Чжуй хмыкнул: «Его это совсем не волнует. Князь очень особенный человек, совсем не такой, как в слухах».

Он рассказал о том, что делал Сяо Шань в эти дни, избегая того, о чём нельзя говорить.

Выслушав слова Се Чжюя, Се Чэнь на мгновение замер и сказал: «Судя по твоим словам, он

человек с характером». Он умен, не жаждет власти, не скрывает свою силу, и, что самое главное, он готов защищать Се Чжюя, и на словах, и на деле не любит, когда его обижают.

«А как же слухи...»

Се Чжуй: «Брат, ты же сам сказал – это слухи».

Се Чэнь слегка опешил и усмехнулся: «Верно, слухам нельзя доверять, я был слишком предвзят». В отношении родного Се Чжюя он мог рационально анализировать сплетни, опровергать их и защищать Се Чжюя, но по отношению к другим у него не было такого желания.

Человеческое сердце по своей природе предвзято, и это правда.

Се Чжуй же сказал: «На самом деле, в этих слухах нет ничего особенного. Его Высочество действительно не особо амбициозен, не любит учиться, и почерк у него не очень. Дела, порученные императором, он старается отложить, если отложить не получается, то делает, но обязательно жалуется. Он каждый день думает только о еде и питье. Разве это в глазах других не непослушание и неспособность к обучению?»

Се Чэнь: «...» Звучит довольно удручающе.

Сяо Шань был всего лишь принцем, ему не нужно было беспокоиться о еде и питье, у него был император в отцах и хороший брат-наследник. Если бы он оказался в другой семье, его жизнь не была бы такой беззаботной.

Се Чэнь в душе все еще немного беспокоился: Сяо Шань с самого рождения был связан с линией наследного принца.

А если наследный принц...

Однако он не произнес эти слова вслух; в такое время в них не было необходимости. Если бы он оказался каркающей вороной, то жизнь Сяо Шаня и Се Чжюя стала бы невыносимой.

Приблизительно поняв характер Сяо Шаня, Се Чэнь сменил тему и заговорил о другом. Они не упоминали о северных войсках, возвращающихся в столицу, и не вспоминали прошлое, а говорили о том, чем они занимались и как жили после расставания.

Оба были очень рады, и за обедом Се Чэнь даже выпил немного вина; его терпимость к алкоголю была не очень хорошей, три бокала — и он уже падал.

Но Се Чжуй всё равно позволил ему выпить.

После того как Се Чэнь опьянел, он был очень тихим и не бушевал. В этот день он всё время говорил Се Чжую: «Из нашей семьи Се остались только ты и я, ты должен быть в порядке».

Се Чжуй отвечал ему фраза за фразой.

Се Чжуй сказал: «Я буду в порядке».

Во второй половине дня Сяо Шань приехал за ним.

Се Чэнь уже спал, и Сяо Шань не стал его будить, а забрал Се Чжую обратно в поместье князя.

По дороге Сяо Шань спросил: «Со старшим братом всё в порядке?»

Се Чжуй покачал головой: «Всё в порядке, он просто очень рад».

Сяо Шань подумал: «Ты тоже очень рад, твои глаза так сияют».

Он не произнёс эту шутливую фразу, а сказал: «Я думаю завтра пойти во дворец и попросить отца-императора привести императорского лекаря Су, чтобы тот осмотрел глаза старшему брату. Независимо от результата, всегда стоит попробовать. Старший брат согласится?»

Некоторые не хотят ворошить старые раны, другие, столкнувшись с такой ситуацией, обращались к бесчисленному количеству врачей, и с каждым разом становились всё более безразличными, пока в конце концов визиты к врачу не превратились в отчаяние. Он не знал, что Се Чэнь думает по этому поводу, поэтому мог только спросить Се Чжую.

Се Чжуй сказал: «Старший брат точно согласится. Все эти годы он искал разных знаменитых врачей, чтобы вылечить свои глаза. Он говорил, что пока есть хоть малейшая надежда, он не сдастся».

Сяо Шань: «Это хорошо». Он очень восхищался Се Чэнем. Для Се Чэня потерять зрение за одну ночь. Он не отчаялся, не пал духом, не смирился с судьбой, а постоянно искал способ вывести яд.

Не каждый способен на это.

Се Чжуй серьёзно сказал: «Я благодарю тебя от имени старшего брата».

Сяо Шань покачал головой: «Не стоит».

Не желая, чтобы Се Чжуй заикливался на этом вопросе, Сяо Шань сказал: «Поместье князя и

поместье Се недалеко друг от друга, ты можешь ходить туда в любое время, когда захочешь».

Сердце Се Чжуня слегка дрогнуло от этих слов. Он отвёл взгляд и посмотрел в другую сторону, говоря: «Старший брат, услышав это, наверняка будет очень рад. Все эти дни он очень беспокоился обо мне».

Сяо Шань посмотрел на него: «О чём беспокоился?»

Се Чжунь: «Беспокоился, что какие-то слухи обо мне могут не понравиться Вашему Высочеству».

Сяо Шань моргнул, внезапно поняв его смысл. Он усмехнулся: Се Чжунь, что, использует обходную тактику, чтобы узнать его мысли?

Сяо Шань не ответил сразу, а взял руку Се Чжуня и некоторое время перебирал его пальцы, затем сказал: «В день нашей свадьбы я спрашивал тебя».

Се Чжунь внезапно вспомнил ту сцену.

Сяо Шань склонился и задал ему два вопроса: есть ли у него кто-то, кто ему нравится, и ненавидит ли он его.

Се Чжунь оба раза ответил «нет», и после этого всё пошло своим чередом.

Горло Се Чжуня слегка сжалось, он сказал: «Ваше Высочество не боится, что я вам лгу?»

Сяо Шань, подняв бровь, игриво сказал: «О чем ты мне лжешь? О моем теле?»

Се Чжунь: «...»

Се Чжунь поджал губы: «Нет, я имею в виду, Ваше Высочество верит всему, что я говорю?»

Сяо Шань кивнул, затем склонился к уху Се Чжуня и прошептал: «У меня есть глаза, чтобы видеть, у меня есть уши, чтобы слышать, у меня есть руки, чтобы проверить. Кто ты такой, я сам знаю лучше всего».

«Слухи – это всего лишь слухи. Если бы я им верил, то в ночь нашей свадьбы не стал бы...»

Сяо Шань явно не сказал ничего слишком непристойного или постыдного, но Се Чжунь покраснел от этих недосказанных слов.

Се Чжуй чувствовал, что сходит с ума.

Он сам не знал, что с ним происходит. Перед Се Чэнем он говорил, что Сяо Шань не поверит этим слухам, и говорил это твёрдо и уверенно. Но увидев Сяо Шаня, у него вдруг возникло желание услышать эти слова из уст Сяо Шаня.

Снаружи возница вёл карету к поместью князя, а внутри двое замолчали.

В тот вечер красные свечи сгорели наполовину.

Се Чжуй зарылся лицом в подушку, крепко сжимая одеяло. Он стиснул зубы, не издав ни звука.

Сяо Шань нарочито понизил голос и звал его по имени, его голос был предельно хриплым.

По углам глаз Се Чжужа появились слезы, он хотел что-то сказать, но в итоге ничего не произнёс.

Красные свечи в комнате все еще горели, и было слышно шуршание ткани и тихие вздохи.

На следующий день Сяо Шань отправился во дворец, а Се Чжуй снова поехал в резиденцию Се.

По дороге в поместье Се, почти у самых ворот, кто-то налетел на его карету. Человек утверждал, что его сбила карета, и лежал на земле, притворяясь раненым и громко завывая.

Се Чжуй, услышав шум, откинул занавеску. Не успев рассмотреть лежащего на земле человека, он увидел Цзо Ли, Инь Туна и Сюй Гуана, выходящих из ближайшего ресторана и направляющихся сюда.

Цзо Ли первым увидел Се Чжужа.

Его лицо замерло, он остановился, а Инь Тун, шедший сзади, врезался в него, и они чуть не упали. Сюй Гуан, увидев это, скривился и отошёл в сторону.

Инь Тун, выпрямившись, потирал ушибленный нос и сказал: «Что с тобой, тебя ослепила роскошь столицы, что ноги подкосились и ты не можешь идти?»

Цзо Ли ничего не сказал, его взгляд был устремлён вперёд. Сюй Гуан с удивлением проследил за его взглядом и сразу же увидел Се Чжужа в карете.

Сердце Сюй Гуана дрогнуло, никаких мыслей не возникло. В этот момент он услышал, как из

толпы кто-то громко крикнул: «Эй, тот, что лежит на земле, перед тобой карета поместья князя Ли, а внутри сидит Ван Цзюнь Ли. Если не хочешь умереть, живо вставай!»

«Ван Цзюнь Ли?» Толпа зевак загудела и уставилась на карету.

Инь Тун, закрыв нос, широко раскрыл глаза и, конечно, увидел Се Чжюя.

И не успел он опомниться, как услышал, что кто-то снова сказал: «Те несколько генералов, стоящие рядом с рестораном, только вчера вернулись в столицу из Северного региона. Говорят, они раньше все были подчинёнными Ван Цзюня Ли, и очень хорошо с ним знакомы. У них ведь были общие трапезы и кров».

Толпа забурлила от этих слов, они смотрели на Цзо Ли и остальных, а затем на Се Чжюя в карете.

Их глаза были полны любопытства, полны возбуждения.

Затем посыпались всевозможные слова, указывающие на Се Чжюя и троих мужчин.

Ван Цзюнь Ли, генерал Северного региона, общий стол и кров...

Такие слова, связанные вместе, вызвали у некоторых людей желание исследовать, и их слова свернулись в огромный снежный ком, поглотивший Се Чжюя, Цзо Ли, Инь Туна и Сюй Гуана.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282509>